

Поиск солидарности в расколотом мире

Ю.А. Красин, доктор философских наук

За темой представленного доклада маячит очень важная проблема современного глобализирующегося мира: это проблема поиска ценностных солидарных связей, которые могли бы объединить людей в неспокойном, «турбулентном», по выражению автора, мире. Вызовы глобализации императивно ставят перед человечеством задачу объединения усилий в решении глобальных проблем, а «вихри турбулентности» разрывают мир на враждующие части, грозят ему новыми расколами. В этих условиях поиск нитей объединяющих солидарностей и, в первую очередь, наиболее прочных — ценностных — приобретает приоритетное значение.

Попытка решить эту проблему с маху на основе неолиберальной идеологии, т. е., по сути дела, загнать многоликую реальность мирового социума в русло «вестернизации» или даже «американизации», не удалась. Она, как мне кажется, с самого начала была обречена на провал, потому что нельзя втиснуть все многообразие современного мира в какую-то одну парадигму. Неудача, постигшая неолиберальную конструкцию мирового социума, созданную по единому западному стандарту, еще раз подтверждает, что формирующаяся ныне глобальная система, скорее всего, будет не каким-то морфологическим единством, а структурно неоднородным «миром миров». Во всяком случае, такая гипотеза в наибольшей степени соответствует фактам и тенденциям современного мирового развития.

Если это так, то поиск ценностных солидарностей должен вестись не вокруг неких «единых образцов», а исходя

из социокультурной органики реальной истории конкретных стран и регионов. Можно ли тогда при существующем социокультурном многообразии найти глобальные ценностные солидарности? Думаю, это возможно без всякого навязывания кому-либо стандартных образцов. Автор доклада сам дает аргумент в пользу такого заключения, ссылаясь на проявление «креативного класса». Кстати, у нас это понятие иногда отождествляют со «средним классом», что неправильно. К «креативному классу» правомерно относить только ту часть средних слоев (так называемые новые средние слои), которая функционирует в информационной и научно-образовательной сферах. И в этом пространстве глобальные солидарности — уже реальность. Очевидно, что современная наука трансгранична. Ее развитие невозможно в одних только национальных или даже цивилизационных рамках без международных обменов и контактов, без филиации идей и методик исследования. Приобщение к инновационному типу развития общества, основанному на трех китах — информации, знании, творчестве — возможно только в контексте глобальной солидарности. Мне кажется, что инновационное развитие — это и есть главный канал и, вместе с тем, главный генератор солидарных связей на глобальном уровне.

Другая сторона этого вопроса: как за солидарными связями самого высокого, глобального порядка историческим общностям менее высокого порядка (национальным государствам, региональным цивилизациям) не потерять свою идентичность? Собственно говоря, именно эта проблема и рассматривается в докладе применительно к одной из таких общностей, которую автор называет «восточнохристианской цивилизационной общностью».

Таких общностей в современном мире довольно много, и большинство из них возникли не на религиозной, а на национально-государственной основе. При этом каждая национальная или цивилизационная общность за свою историю накопила собственный потенциал материальных и духовных

ценностей, имеет свои интересы и свою культуру, свою внутреннюю солидарную спайку. На этой базе и складываются национально-государственные или цивилизационные идентичности. Что с ними происходит в процессе глобализации? Они не поглощаются глобальными солидарностями и не растворяются в некой однородной среде общечеловеческих ценностей. Они сохраняются в глобальном взаимодействии «мира миров» и образуют своего рода «гранулированную структуру» многослойной и гетерогенной системы общечеловеческих ценностей.

Следовательно, на каждом этапе мирового развития должна быть найдена адекватная времени и месту формула связи общечеловеческих и национально-государственных интересов и ценностей.

После Второй мировой войны в конце 1940-х гг. в США состоялась острая дискуссия ученых-международников. Спор происходил между «идеалистами» и «реалистами». Первые считали, что во главу угла внешней политики Соединенных Штатов должны быть положены общечеловеческие интересы и ценности. «Реалисты» же отдавали приоритет национально-государственным интересам. Известный сторонник «реальной политики» Ганс Моргентау, критикуя «идеалистов», говорил тогда, что если какое-либо государство в мировом сообществе, руководствуясь высокими идеалами, не позаботится о национальных интересах, то в мире обязательно найдутся силы, которые используют ситуацию в своих интересах. Этой ловушки в какой-то мере не избежала горбачевская перестройка. При всей значимости прорыва к новому мышлению надо все же признать, что открытая ориентация внешней политики перестройки на приоритет общечеловеческих интересов и ценностей не получила адекватного ответа со стороны США и стран НАТО, которые беззастенчиво использовали ослабление СССР, а затем России в собственных интересах.

Кстати, в самом начале тезисов автор доклада бездоказательно выдвигает когда-то популярный, но уже устаревший

тезис о том, что глобализация якобы уменьшает роль национального государства. Этой точки зрения одно время придерживался американский политолог Френсис Фукуяма. Я не считаю его очень глубоким теоретиком, но он довольно хорошо улавливает тенденции и повороты социально-политического развития. В последние годы он, наоборот, подчеркивает всю важность национально-государственного строительства в глобализирующемся мире. Национально-государственный интерес, безусловно, сохраняет свое значение в мировой политике. Вызовы глобализации и универсализма даже увеличивают роль государств как защитников национальных интересов и национальной идентичности.

Поэтому проблема национально-государственных и цивилизационных общностей весьма актуальна. Но я согласен с В.Г. Хоросом в том, что анализ этих проблем нельзя строить на одних только религиозных основаниях. Если цивилизационную специфику трактовать по религиозному принципу, то атеистам там вообще нет места. А атеистов на земле все-таки не меньше, чем религиозных людей. Под этим углом зрения само понятие «восточнохристианская цивилизация» вызывает определенные сомнения.

Да и границы «восточнохристианской общности» очень размыты. Скажем, понятие «евразийская цивилизация» намного более определено. Можно наметить какие-то территориальные границы, какое-то ценностное своеобразие, историческое взаимовлияние, в котором есть и плюсы и минусы. Например, авторитарные тенденции в политическом развитии российского общества — во всяком случае, их государственно-бюрократическая компонента — частично, по крайней мере, объясняются татаро-монгольским влиянием.

В сопоставлении с нынешними реальностями «восточнохристианская общность» представляется очень рыхлой и довольно искусственной схемой. Как уже говорил В.Э. Багдасарян, страны, относимые к этой абстрактной конструкции, уже давно разошлись в разные стороны. Силы тяготения

различных экономических, политических, идейных центров оказались сильнее и действеннее «восточнохристианской» специфики. Реанимировать ее в качестве некоей целостной общности — и, тем более, цивилизации — это кажется мне невозможным. Нити уходящего прошлого разорваны, их уже не восстановить. И вряд ли к этому надо стремиться. «Новый Константинополь» — звучит красиво, но фантастично.

Наконец, последнее. В конце тезисов автор приводит таблицу, в которой дается перечень угроз, нависших сегодня над «восточнохристианской цивилизацией». Практических выводов, как уже отмечалось, в докладе действительно нет, но сами угрозы четко сформулированы, и это наталкивает на размышления. Правда, перечисленные угрозы относятся скорее не к надуманной конструкции «восточноевропейской цивилизации», а к национальной государственности стран, отнесенных автором к этой цивилизации. Нас, естественно, в этом перечне интересует прежде всего то, что угрожает российской государственности.

Меня несколько удивило, что среди названных угроз отсутствует, как мне кажется, одна из самых главных — угроза глубокого социального расслоения. Сколько ни говорят об этом, сколько власть ни дает обещаний изменить положение, децильный коэффициент, характеризующий разницу в доходах «верхов» и «низов», продолжает расти. Особенно шокирующим это выглядит на фоне начавшегося финансово-экономического кризиса. Многие ученые и публицисты говорят даже о расколе страны на «две России», различающиеся не только по доходам, но и по социальному статусу, по реальным политическим правам, по образу и стилю жизни. При таком социальном расслоении, разделяющем страну подобно пропасти, общенациональная солидарность в поисках ответов на вызовы времени становится невозможной. А это так необходимо для выживания и политического самоопределения России в современном мире.